

Йо-хо-хо фантастический рассказ

Часть первая

Я пират. Флибустьер. Незаконнорожденный сын нищего рыбака и пропахшей рыбой портовой русалки, воспитанный вдали от никчемных родителей. Я отвратительно молод, чтобы разделить участь «собратьев по клинку», но безнадежно стар, чтобы восторженно глядеть с фок-мачты на выжигающее горизонт солнце. Всё это я – ваш покорный слуга Октавий Вназырь. Странное имя, - скажете вы и будете правы. Оно ненастоящее. Как, собственно, и все, что окружает меня последние десять лет. Но об этом позже.

Ребенком я зачитывался историей о морских разбойниках. Единственная потрепанная книга, что, точно какая-нибудь бриллиантовая диадема, передавалась в нашей семье из поколения в поколение. Мне было всего шесть, когда дед открыл банковскую ячейку и положил на мои, подрагивающие от нетерпения, ладошки стопку пожелтевшей бумаги в измочаленном временем картоне. Тогда я решил, что он окончательно свихнулся, но теперь понимаю: лучшего подарка нельзя было и придумать.

Мой старенький дедушка. Говорят, он был бунтарем и ни разу в жизни не склонил головы. Когда пришло время, он восстал даже против старости, бережно ухаживая за редующими волосами и надежно скрывая парой фланелевых перчаток едва проступившие пигментные пятна. Я помню, он почти выиграл битву, но внезапно получил удар в спину от противника, который никогда не объявляет войны. Он умер, резво отбивая такт по крышке пианино и широко улыбаясь юной, розовощекой девушке. Всё, что осталось от статного мужчины, до самого конца, не утратившего красоты и привязанности женщин: старая книга, клавишный инструмент и пара пятипалых кусочков ткани.

Я не ношу его перчаток. Теперь уже нет. Каждым миллиметром кожного покрова я должен чувствовать то, что делаю. Я слышал, что один такой миллиметр содержит больше двух миллионов клеток, и все они дышат, чувствуют, а главное - помнят. Мои не просто эмоциональны, они – разумны. Одно прикосновение, и я способен считать отпечатки пальцев с любой поверхности. Для меня не останется секретом даже самый замысловатый и длинный пароль, ведь ваши пальцы бегают по клавиатуре в определенном порядке, а я могу почувствовать этот порядок. От меня не скроется и то, с какой силой вы давите на клавиши – чем ближе к концу, тем сильнее. Я могу вскрыть любую дверь, если ее хоть раз открывали до меня, реальна она или виртуальна – неважно.

Звон колокола в, припрятанном за ушной раковиной, миниатюрном передатчике возвещает о том, что объявлена пятиминутная готовность и я, напялив шерстяное пальто, со всех ног несусь в ближайшее бомбоубежище, чтобы встретиться с остальной частью команды красавца-галеона с вызывающим именем «Мечь Невежественных». Я ношу гордое звание первого помощника и отвечаю за корабль головой, поэтому он всегда при мне.

- Отличный денек для хоешей кйажи, - картавит боцман, расплываясь в масляной улыбке, его железные зубы игриво поблескивают в тусклом свете мигающей лампы.

Кивнув, машинально лезу в карман, ощупывая массивный карабин и холодный корпус, пристегнутой к нему, маленькой флэшки.

- Я открою тебе наружную дверь, Тав, - пищит низкорослый толстячок, нервно водя скулами, едва заметными из-за пухлых щек, отчего сразу становится похожим на жующего хомяка.

Не знаю его имени, а потому снова киваю и поворачиваюсь к боцману.

- Надеюсь, в этот раз ты все хорошо проверил, и сюрпризов не будет, - говорю очень жестким тоном, специально протягивая каждое «р».

- Йазумеется, я йасчитал всё до мельчайших подйобностей, - улыбка не покидает его лица, завораживая металлическим отблеском.

Удивительная способность при таком дефекте речи специально подбирать слова так, чтобы большинство из них содержало ненавистную букву.

- Я счастлив, - надменно бросаю, уже не глядя в сторону довольного жизнью боцмана.

Моргающий свет вырывает из темноты неподвижную маску. Если бы не постоянное перемещение зрачков, резко контрастирующих с блекло-голубой радужкой, в этом лице сложно было бы заподозрить наличие жизни. Даже глубокие рытвины на носу и щеках больше напоминают трещины в камне. Тиберий Кортес. Наш предводитель, мозг и здравый смысл. А еще он некто вроде доброго, но строгого отчима. Мы не имеем ни малейшего понятия, кем он был раньше. Все, что нам известно: он - капитан галеона, а мы – его экипаж. Каждый из нас трепетно хранит свою собственную историю восхождения «на борт», не выдавая ее никому ни под каким предлогом. Объединяет одно: все эти истории связаны с ним.

- Не слишком ли много ты на себя берешь, Октавий? – говорит капитан спокойно, будто и не хочет уличить меня, а интересуется просто так, из любопытства.

Мою спесь сдувает, будто порывом ветра, хотя даже самому тощему сквозняку не пробраться в подземный лабиринт бомбоубежищ, которым правим мы – пираты.

- Я лишь хотел напомнить... - начинаю оправдываться, ощущая, как невыносимо пылают уши.

- Не стоит, - холодно обрывает мою тираду и смотрит на часы. – У вас пятнадцать минут. Держите связь.

Боцман свистит в начищенную дудку, и мы срываемся с мест, словно стайеры. Я бегу чуть позади остальных. Мой выход будет много позже, когда слетят увесистые замки, откроются тяжелые двери, и останется только одно препятствие, неказистое на вид, но самое надежное из всех. Флэшка приятно щекочет пальцы. На ней давно уже нет ничьих следов, кроме моих собственных. В финале спектакля только я и корабль.

- Впейод койсай! – боцман толкает в спину.

Очнувшись от внезапно охвативших раздумий, осторожно пробираюсь по узкому канализационному колодцу, ухожу резко вправо и одним прыжком забираюсь на ржавую от постоянной сырости

лестницу. В нос ударяет запах гнили и плесневых грибов. Ну почему всегда одно и то же? Неужели в городе не осталось зданий, где подвалы еще используются людьми? Рука утопает в чем-то мягком, липком и мерзком. Брезгливо отдергиваю, машинально оттирая о штаны. Лязг засова и визжащий скрип несмазанных петель заставляет вжаться в осклизлую стену.

- Это я, Тав, - шепчет знакомый человечек, которого я уже окрестил про себя Фаршированным шаротелом.

- Наружная дверь должна хотя бы одной стороной выходить наружу, - сердито ворчу я.

Толстяк виновато разводит руками.

- Прости, но по-другому никак.

- Значит, никудышный из тебя вербовщик, - раздраженно отмахиваюсь.

Шаротел обиженно сопит, но предпочитает не возражать. Еще бы, он всего лишь матрос, таких на галеоне сотни, если не тысячи. Ухмыляюсь про себя и бесшумно выскальзываю за дверь. План здания выучен мною так, что я могу поворачивать в нужном направлении с закрытыми глазами.

В одном из коридоров встречает запыхавшийся юнец. Он глядит восхищенно, будто перед ним апостол и, трясущимися от напряжения, пальцами меняет мое излюбленное пальто на темно-синий потертый пиджак. Последний немного тесноват. Я недовольно дергаю плечом, но тут же замечаю на лацкане небольшой бэйдж с чужим номером и моим собственным, немного помятым лицом.

- Отличная работа, - потираю руки, рассматривая уровень доступа.

Судя по заглавной «А», на эти пятнадцать минут я здесь - большая шишка.

- Спасибо, господин, - пацан краснеет.

- Господин? – издевательски приподнимаю бровь. - Твой код, единица?

Он вспыхивает и тихо, но сердито шипит:

- Вы ошибаетесь, я не единица, у меня есть имя.

- Вот и хорошо, - заглядываю ему в глаза. - Никогда не произноси слова «господин», если хочешь, чтобы никто больше не ошибся на твой счет.

Он хватается меня за плечо. Даже через толстую ткань пиджака я чувствую жар его пальцев.

- Всё готово, - лопочет. - В хранилище - никого.

- А рядом?

- Только двое, но они - из наших.

- В зале проблем не будет?

- Нет, сегодня утром поступило распоряжение исключить перерывы.

- Ваша работа? - улыбаюсь уголками губ.

- Моя! - выдыхает он.

- Молодец! Будешь продолжать в том же духе, очень скоро получишь повышение.

Я вижу, как расправляются сутулые плечи, и как наполняются гордостью глаза юноши.

- Возможность служить «Мести Невежественных» - уже повышение, - говорит он.

- На.

- Что? – его плечи снова опускаются, а руки хватают и мнут полу такого же нелепого пиджака, какой теперь на мне.

- Мы говорим: «Служить на «Мести Невежественных».

Я дружески хлопаю мальчишку по спине, отчего выражение его лица становится еще более детским, и устремляюсь вперед. Капитан не любит ждать. Всё же он был прав: я слишком много болтаю.

Коридоры, коридоры. Зачем их столько? Какое нерациональное расходование пространства. По обеим сторонам десятки каморок, иногда с маленькой дыркой для света, а иногда и вовсе без нее. В каждой копошится никчемная единица. Они только выглядят как мы, а на самом деле не больше, чем пугливые твари, что спуют в темноте подземных катакомб. Они боятся всего: света, слов, знаний, а главное — неповиновения. Вот их самый навязчивый страх. Изо дня в день они приходят сюда, чтобы выполнять монотонную, ненужную работу. Говорят, что некоторые так и умирают, накрывшись очередным выпуском последних новостей.

Каждый раз, когда я появляюсь в подобном месте, меня раздрает от желания распахнуть эти двери, одну за другой, и за волосы выволочь на свет тех, кого найду за ними. Останавливает долг: нет, и не может быть ничего важнее, чем то, что мы делаем для нашего полумертвого мира, проклятого всеми богами, в которых когда-либо верило человечество.

Зал. Новое нагромождение крысиных нор, только с прозрачными стенами. Как по мне, так это форменное издевательство. Проходя мимо, я бесцеремонно разглядываю склонившихся над одинаковыми столами, одинаковых людей. Могу поспорить, что у многих за плечами десятилетия подобной работы, но ни один не может похвастаться, что знает имя соседа, от которого отделяет лишь тонкая стеклянная перегородка. Интересно, кто из них уже успел перейти на нашу сторону?

Несмотря на мой нахальный взгляд, головы так никто и не поднял. Жуть. Истинные слуги своего хозяина, они - скорее нули, чем единицы. Заветная дверь. Дотрагиваюсь до кнопок кончиками напряженных пальцев. Сейчас мне нужен только пароль, а не генетический код тех, кто этот пароль знает. Странно. Никаких следов кожного жира. Мертвый пластик, ничего больше. Прижимаюсь чуть сильнее. Тканевых ворсинок нет, значит, перчатки они тоже не используют. Еще сильнее. Закрываю глаза. Осторожно ощупываю кнопку за кнопкой. Есть!

Пластмассовая стружка, мельчайшие крупинки. Кем бы ты ни был, но ты точно не дурак и, судя по всему, код набираешь исключительно шариковой ручкой. А может тому виной вовсе и не изощренный ум, а просто глупая привычка? Как бы то ни было, я уже знаю твой секрет. Хотя не могу не поблагодарить, ты подал мне отличную идею.

Достаю из кармана флешку и осторожно нажимаю с ее помощью нужные символы. Дверь тихо пищит. Совсем как наш друг Шаротел. Я внутри. Здесь всё очень напоминает отделение морга, куда

меня вызывали на опознание одного из матросов: холодно, чисто и тихо. Хотя, если вдуматься, это и есть морг. Последнее пристанище не прошедшей цензуру информации. А вот и «холодильники» - полки с прямоугольными коробками серверов. Прохожу мимо. Мне нужно дальше, в маленькую заваленную хламом комнату, где стоит один единственный компьютер. Всегда поражался человеческой способности защищать всё так, чтобы непременно оставалась возможность эту защиту обойти.

Господь Всемогущий, да тут и пароль идентичный тому, что на двери! Сдается мне, я стану здесь частым гостем. Количество папок поражает воображение. Что же качать первым? Как будто прочитав мои мысли, за ухом оживает передатчик.

- Октавий, оттуда нам нужно только две папки: «Пошлятина» и «Запредельный маразм».

Поперхнувшись собственной слюной, тупо переспрашиваю:

- Вы уверены, что именно их, капитан?

- Не верь глазам.

- Мы вернемся?

- Нет.

- Но тут столько всего, мы же не можем...

- Выполнять приказ!

Передатчик шипит, словно разъяренная змея. Я бессильно провожу рукой по лицу. Возможно ли, чтобы именно это было тем, ради чего рисковало столько людей? Ведь в случае провала, нас ждет не простая потеря должности или даже тюрьма - мы положили на кон собственные жизни.

Решение приходит мгновенно, подобно пуле, пущенной из кремниевого карабина. Я просто не имею права...

Минута, две, пять.

Передатчик взрывается картавым басом.

- Уходи оттуда, Октавий!

- Дай мне минуту.

- У меня ее нет, вали оттуда!

Начинаю лихорадочно возить мышью. Я вечно смеюсь над наивными новичками, которые свято верят, что это поможет ускорить время передачи данных, но продолжаю дергать несчастное устройство, не теряя надежды, как и любой, загнанный в угол, зверь. Кровь стучит в висках. Ну, когда ж ты уже доползешь, гадский индикатор загрузки?

100%

Чуть ли не прыгаю от радости.

- У меня всё! - кричу гораздо громче, чем требуется.

- Не ори и выметайся из хранилища!

Почему он не картавит?

Подхватываюсь.

- Корабль на месте?

Господи, что это со мной? Чуть не забыл основное. Лихорадочно впихиваю флэшку обратно в разъем. Да что же за день такой, теперь еще и вставляться не хочет. Наконец всё сходится, я запускаю файл.

Пиратский галеон «Мечь Невежественных» - последнее, что увидят белые от ужаса сотрудники хранилища, перед тем, как их сервера окончательно и бесповоротно отойдут в мир иной. Это - прихоть капитана, а теперь уже и наша визитная карточка. Так мы напоминаем о себе, так заставляем единицы корчиться от страха, а их хозяев рыть землю, чтобы отыскать и отобрать у нас единственное, что осталось. Нашу свободу.

Они – это кучка жирных толстосумов, возомнившая себя последней инстанцией. Но это только так говорится, на самом деле, они вовсе не безобразны. Они красивы и начитанны, они видели и знают такое, чего нам даже во сне не приснится. На них работает целая армия профессионалов, чтобы сделать их жизнь идеальной. Как же я ненавижу этих подонков, их баб и их выроdkов. Всё их холеное отродье с натянутыми до задницы лицами и снисходительной улыбочкой. Под ней кроется отвратительный оскал презрения ко всем, кого они зовут «единицами». Не зря.

Тупое, оголтелое стадо. Всё для него, для любимого. Хотите легализовать наркотики? Пожалуйста. Любой ребенок, только-только прекративший писать в штаны, знает, как правильно приготовить дозу, чтобы увидеть не страшных чудищ, а новые цветные миры. Проституцию? Держите! Девочке достаточно научиться считать до десяти, и она вполне может сделать неплохую карьеру, по три раза на день падая на спину пред каждым потным мужиком. Наркотики и секс теперь - единственные развлечения, подарок для возлюбленного народа. Есть, конечно, еще парочка, пусть и менее значимая: можно нажраться синтетической еды со вкусом амброзии и, если повезет, то утром вполне спокойно отправиться «работать» в свою родную каморку. А можно поглазеть в ящик, который с утра до вечера бубнит о том, как вам повезло и показывает кровавые истории о тех, кому повезло меньше. Вот и всё. Весело, правда?

А им весело. Можно сказать, это предел их мечтаний. Овцы. Их я ненавижу еще больше лощеных ублюдков. У них отобрали веру, заменив фанатичным гипертрофированным суррогатом - они побежали молиться новому идолу, радуясь, что теперь разрешено то, что раньше было запрещено. Их дома обыскивали, их самих унижали - они, кланяясь, снова и снова открывали двери. В конце концов, у них отобрали самое дорогое – знания, а они устроили ликующий хоровод вокруг огромного костра из книг, с которых еще вчера с трепетом стирали пыль.

Меня передегеривает каждый раз, когда я вспоминаю, что сам был одним из них. Я также вставал по утрам и отправлялся в душную, плохо освещенную комнатушку. Я даже, как будто, любил свою работу. Вечером я приходил домой или задерживался в пестрящем огнями кабаке, чтобы всё равно оказаться дома, но позже и рядом с миловидной девчушкой, имени которой я не вспомнил бы уже через пару часов, даже если бы она решила вдруг мне его сообщить. Я был доволен. Как хряк, мирно посапывающий в сарае до тех пор, пока в него не вошел кто-нибудь с огромным ножом.

Всё изменилось в один день. Они пришли, чтобы отобрать две самых дорогих мне вещи: дедушкино пианино и книгу о пиратах. Ассистенты. Нам вдалбливают, что они слуги народа, только мне хорошо известно, чьи это слуги. Они сказали, что моя профессия не требует хранения в доме подобных предметов, и они с удовольствием помогут передать их туда, где эти самые предметы нужнее. Лживые шавки. Я вытолкал их за дверь. Захлопнув ее перед их вытянутыми рожками, я навсегда вычеркнул себя из списков благонадежных единиц.

Позже, пряча книгу за пазухой, я стучался во все известные мне двери, но везде находил только испуганные взгляды, иногда с просьбами одуматься, но чаще с резким осуждением. Потом закончились деньги. Всего за неделю я стал похож на голодного, бездомного пса, вздрагивающего от любого звука и принимающего тень от фонаря за петлю ловца бродячих собак. И тут в моей жизни появился капитан. Он дал мне кров, пищу и посвятил в суть дела. Первое время, я годился только на то, чтобы сортировать печенье и вкладывать листок с очередной запрещенной статьей в каждую пачку. И вдруг, совершенно неожиданно, я открыл в себе дар.

Вначале просто развлекал матросов, прося их завязать мне глаза и выложить на стол случайные предметы, чтобы я мог определить хозяина каждой вещи, а затем мной заинтересовался капитан. Он помог с дорожкой амуницией, которая взяла на себя все основные функции кожи, кроме осязательной. Я стал уникальным. В отличие от других, меня невозможно заменить ни человеком, ни прибором. С тех пор, мы можем достать всё. Стоит захотеть. Но мы хотим только одного – вернуть людям знание, помочь им снова понять, в чем истинная радость.

Воспоминания совершенно отключают мозг от реальности, пока я пробираюсь мрачными коридорами к спасительному подвалу. Не вижу ничего, кроме картинок моего невеселого прошлого, а потому не замечаю, как из темноты, прямо мне наперерез выскакивает неизвестный.

Ловко увернувшись, не даю ему схватить себя за одежду. Что теперь? Пока он здесь, в подвал мне нельзя. Выверенным движением выхватываю из небольшого чехла на поясе маленький электрошокер. Оружия не ношу, хотя и постоянно получаю за это выволочки от капитана. Пускай. Я готов быть вором, но убийцей – никогда.

- Пстой, - тихо просит незнакомец и делает шаг навстречу, мои глаза различают сухого, седобородого старичка. – У меня больное сердце. Если ты используешь это, я умру. Может быть не сразу, а когда вернусь домой. Возможно, врачи констатируют инфаркт, и тебе ничего не будет, но я прошу, выслушай, прежде чем пустить его в ход.

Я не двигаюсь, но и шокер не прячу. Пусть видит, что я настроен вполне серьезно.

- Говори, только быстро, иначе мне придется сделать выбор не в твою пользу, - стараюсь, чтобы голос звучал жестоко и убедительно.

- Они с тобой? – смотрит с надеждой.

- О чем ты? – еще надеюсь выпутаться, ведь его уровень доступа ниже того, что написан у меня на табличке.

Проследив за моим взглядом, старик устало улыбается.

- Это старый. Я не захотел менять. Здесь на фото я моложе.

- Кто ты?

- Я тот, кто первым обнаружит ваш корабль.

- Что тебе нужно? – нервно сжимаю флэшку, рискуя порвать карман. - Ведь тебе что-то нужно, иначе ты не отважился бы прийти сюда один.

- Я собирал их, сколько себя помню, а теперь хочу, чтобы именно ты дал им вторую жизнь, - он подошел почти вплотную. – Теперь ты понимаешь, о чем я?

- Нет! – я почти кричу. – Я всё уничтожил, ничего не осталось.

Опять эта улыбка, будто он видит меня насквозь.

- Просто сравни, - говорит и отступает, освобождая мне путь. – Большого я не прошу.

Я остаюсь на месте. Он вздыхает.

- Иди, сынок. И подумай, может быть не всё, во что ты веришь – правда.

Часть вторая

Боцман ругает, на чем свет стоит. Его мат – своеобразное произведение языкового искусства, а, если учесть особенность произношения, так и вовсе – инопланетная речь. Постоянно приплетая мою мать, ее сексуальные отношения, а так же подробности моей собственной интимной жизни, он вспоминает все косяки, что когда-либо случались на галеоне, включая и те, в которых не было моей вины. Я остаюсь безучастным. На то он и боцман, чтобы любую вылазку завершать руганью. Пусть насладится временной властью, - сейчас мне не до выяснения, кто кем командует, мысли заняты стариком. Какую правду он имел в виду? Что я должен сравнить? Боцман трясет сжатым кулаком перед моим носом, его лицо покраснело от ярости. Сказать ему? Нет, не стоит, скорее всего, захочет отобрать флэшку, добьется приказа капитана, и я ничего не смогу узнать.

- Твою ж мать! Ты где вообще? – орет боцман, основательно сдобрив выкрик труднопереводимым «марсианским» матом.

- Ты закончил? – смотрю мимо него.

Что-то он слишком много себе позволяет. Ладно, неважно. Мне бы сбежать отсюда поскорее, вернуться в маленький номер чистой, по-домашнему уютной гостиницы на окраине грязного, грохочущего города, запереть дверь, плотно задернуть шторы и, включив миниатюрный хэндпад, разобраться с добытым сокровищем.

Боцман замолкает на вдохе. Его глаза вылезают из орбит, и мне кажется, что он вот-вот треснет, разорванный изнутри собственным негодованием. Молча, бочком обхожу его и пытаюсь сбежать.

- Капитан пйиказал тебе явиться! – выдыхает фразу, на этот раз начисто лишённую ругательств.

- Завтра, - бросаю безразличным тоном, хотя прекрасно понимаю, что боцман не забудет мне такой наглости.

- Ты... ты... - он кудаччет, будто несущка, комично загребая руками воздух.

- Передай капитану, мне очень жаль, но я не смогу отчитаться сегодня. Я устал и слишком перенервничал.

Теперь я сам перехожу границы дозволенного, но черт меня подери, если в моих руках не оказалось что-то такое, что навсегда изменит мою жизнь, а может быть и многие другие жизни.

- Да я, - пыхтит боцман, - да он... Ты и вообразить не можешь, что мы с тобой сделаем!

- Завтра, - повторяю я, стараясь, чтобы мой голос не выдал волнения. – Сейчас, всё что нужно: мятный чай и несколько часов сна.

Я вижу, как его рука тянется к передатчику и, развернувшись, бегу по туннелю, прочь от возмущенных криков. У меня всего одна ночь, - должен успеть. Капитан на связь не выйдет - это закон: если боцман не справился, то матрос получает право гулять до утра, наслаждаясь всеми доступными удовольствиями, перед неизбежной расплатой. Последней я, как раз, не слишком страшусь: единственное наказание, которое они могут себе позволить – это публично отчитать меня. Да, на глазах членов команды, как провинившегося мальчишку, и да, это будет страшное унижение, после которого я на некоторое время обзаведусь нелицеприятным прозвищем, что при моем ранге, равносильно лишению звания. Возможно даже, что мне придется заново завоевывать расположение капитана и команды. Но всё это меркнет перед возможностью заглянуть под покровы тайны, которую от меня почему-то очень хотели скрыть.

Ровные стены и такой же пол. Фонари горят через два на третий. Сейчас налево один пролет, направо, потом три пролета вперед без остановки, так быстро, как только смогу. Последний рывок вправо и вверх. Вот я и дома. Крошечная небогатая гостиничка «для своих» похожа на картонный кукольный домик. Накрахмаленные скатерти в темно-зелёную клетку, занавески на окнах из той же ткани, чистые пепельницы в виде квадратных кофейных чашек с ручкой на каждой из сторон. Натёртый до блеска пластиковый пол, косящий под дубовый паркет. У стойки Лариса протирает бокалы, разглядывает их на свет, цокает языком и снова трет.

- Стерильно, - говорю я, приобнимая ее за талию.

Она не оборачивается, продолжая разглядывать стеклянную поверхность. Я целую ее шею, чуть касаюсь губами мочки с маленьким фальшивым изумрудом на конце булавки. Предательская улыбка, наконец, порывается сквозь маску безразличия, она ставит бокал и вздыхает:

- Ты снова исчез и даже не сказал когда вернешься.

- Зачем тебе знать? – я переключаюсь на ее макушку, покрывая поцелуями мягкий ёжик коротко стриженных волос.

- Я волновалась, - она высвобождается из моих объятий и поворачивается, опершись локтями о стойку. – Алёша ждал тебя вчера весь день, я еле уговорила его отправиться в постель. Он пел, чтобы не заснуть, представляешь?

- Прости, - я изображаю виноватое лицо и тянусь к её губам.

Она отстраняется.

- Ты что не понимаешь?

Пожимаю плечами.

© Анна Безкровная

- Ну что такого произошло, Ляля? Алексей уже взрослый...

- Вот именно, что нет! – сердито отталкивает, хватая со стойки тряпку и стремяглав несётся к одному из столиков.

Сложив руки на груди, я следую за ней. Она срывает скатерть и остервенело трёт столешницу. Её грудь раскачивается в такт движениям. Это невероятно.

- Он, конечно, не твой сын... – тихо начинает она, продолжая возить тряпкой.

Дальше я не слушаю. Слишком уж захватывающее зрелище. Тонкая шея, округлая грудь, талия, так удачно перетянутая тесёмкой фартука, ниже...

Она резко выпрямляется.

- Октавий!

- Прости, что? – я с большой неохотой отвожу взгляд от её прелестей.

Она бросает скомканную скатерть и смотрит в глаза. Жёстко, холодно.

- Ты можешь продолжать и дальше таскаться неизвестно где, только будь любезен возвращаться прямым к себе в комнату, а не ко мне под одеяло!

- Ляля, что произошло? - говорю растерянно, раньше она не вела себя подобным образом.

- Ему всего восемь. Он маленький мальчик, понимаешь?

- Когда это ему вдруг стало восемь?

- Вчера, Тав. Ты что, совсем меня не слушаешь?

Я хватаюсь за голову. Боже, как же я забыл? Умоляюще гляжу на Лялю.

- Может быть, ты объяснишь ему...

- Нет уж, - бросает она и указывает на дверь. – Иди и объясняйся сам.

Опустив плечи, бреду в указанном направлении. Никого на свете я не боюсь больше, чем этого ребёнка или, точнее, того, что я в какой-то момент не смогу подобрать слов и навсегда потеряю его расположение. Он вызывает во мне эмоции, которых я не должен бы испытывать. Я одновременно и восхищаюсь его жадной к познанию и жалею его из-за отсутствия многих радостей, которые должны быть у мальчишки его возраста. Мне бы хотелось дать ему любовь, хоть немного похожую на ту, что в своё время дал мне дед, вырвав из лап нищеты и беспробудного пьянства моих родителей, но я не умею этого показать. И пусть он мне никто, но он сын женщины, которую я люблю, а это не так уж и мало.

Тихонько приоткрываю дверь. Мальчик сидит на кровати, спиной ко мне. Он что-то сжимает в руках, то и дело бережно поглаживая, но я не вижу что именно.

- Знаешь как это трудно, - говорит Алёша, – быть всем нужным. Нет? А я знаю. Мой папа нужен всем.

О ком это он? Его отца и след простыл, когда сынуля был всего лишь ускоренно делящейся клеткой.

- Он у меня знаешь какой? – Алёша делает паузу, предлагая собеседнику высказаться, но потом продолжает. – Он у меня - самый-нужный-всем-и-всегда, - говорит скороговоркой. – Поэтому его почти никогда не бывает дома. А знаешь, как его зовут?

Снова пауза.

- Октавий, но я зову его очень просто - Тав, - он наклоняется к неизвестному собеседнику и шёпотом добавляет. – А хочу ещё проще – папа.

На цыпочках отхожу от двери. К горлу подступает комок. Как я могу быть отцом маленькому человечку и взять на себя ответственность за его будущее, если я и в собственном то не уверен? Осторожно пробираюсь к лестнице, стараясь не показаться на глаза Ларисе. Взлетаю наверх, бью по кнопкам электронного замка и заскакиваю к себе, плотно захлопнув дверь.

- Алёша, Алёша. Неужели такого отца тебе нужно? Разве пират может научить ребёнка искусству выживания, если сам который год балансирует на рее?

Щёлканье часов приводит в чувство. Почти двенадцать - пора заняться делом. Так, хэндпад, где же ты? Я разбрасываю подушки, заглядываю под кровать, залажу даже на шкаф, хотя где-где, а уж в вековом слое пыли его точно быть не может, - всё бесполезно, как в воду канул. Щёлк-щёлк. Часы начинают раздражать. Щёлк. Не орите, я понимаю, что у меня нет времени. О, может я запихнул под кровать? Щёлк. Да что за хрень? Кто-то скребётся в дверь. Даже если это ты, Ляля, придётся тебе подождать до утра. Открываю.

- Тав, мама сказала, ты вернулся, - Алёша в нерешительности переминается с ноги на ногу, его уши пылают как два запрещающих сигнала. – Вот.

Протягивает мне что-то.

- Я взял без спросу, прости, - смотрит в пол.

Чёрт меня дер! Это же мой хэндпад! Выхватываю компьютер из рук ребёнка.

- Какое ты имел право? – зло кричу на него. – Кто тебе позволил входить в комнату и рыться в моих вещах?

- Я его не включал, - сопит, изо всех сил пытаюсь сдержать, рвущиеся на свободу, слёзы. – Я больше не буду.

Начинает тихонько всхлипывать.

- Больше не буду, - передразниваю. – Вот скажи, мне от этого должно стать легче?

Он закрывает лицо ладонями. Всплипы становятся громче.

- Я ждал тебя, - он срывается на рыдания, перемежая их отрывистыми выкриками. – Мне стало грустно, и я пришёл сюда. Было открыто, а он лежал. Я не рылся!

- Ты врешь! Я всегда запираю! И хэндпад прячу. Когда ты успел подсмотреть код?!

- Я не вру! – он смотрит мне в глаза, слёзы безостановочно текут по его щекам.

И вот опять это чувство: жалость делает меня слабаком. Ну как тут можно чему-то научить? Тяжело вздохнув, кладу ладонь ему на плечо.

- Обещай, что больше никогда не возьмёшь моей вещи, не спросив разрешения, - говорю уже спокойно.

Быстрым, неуклюжим движением он смахивает слёзы и, глядя на меня, как на героя, шепчет:

- Обещаю.

- Тогда у меня кое-что для тебя есть. Подожди здесь.

Я скрываюсь в комнате, но вскоре опять появляюсь на пороге.

- Держи, - протягиваю ему пухлый свёрток, покрытый ворохом пожелтевших газет. – Разверни.

Он аккуратно снимает слой за слоем и, наконец, полностью освобождает подарок от бумаги.

- Что это? – его глаза зажигаются огнём восхищения.

- Книга.

- Настоящая?

- Самая настоящая.

Он глядит недоверчиво.

- Разве можно такое дарить?

- Ну, если представить, что твой день рождения немного задержался со вчерашнего дня, то - можно.

Он вдруг бросается мне на шею, на секунду застывает и уносится вниз по лестнице, держа мой дар на вытянутых руках так, будто боится, что тот может исчезнуть от одного только дыхания. Мальчишка. Я был таким же и точно так же испытывал ужас при мысли, что кто-нибудь отберёт у меня единственную вещь, что когда-либо имела значение. И вот теперь я отдал её сам. Что это: импульс? Желание успокоить? Неприятие слёз? Я и сам не знаю. Но, что сделано, то сделано. Наслаждайся, малыш.

Возвращаюсь к себе в комнату, надёжно запираю дверь, закупориваю окна. Теперь нужно обследовать все поверхности на предмет цифровых шпионов. Прогресс, мать его. Всё рушится к чертям собачьим, а шпионы из года в год становятся только совершеннее. Мне оказана особая честь. С тех пор, как я стал членом команды, я ежедневно нахожу с десяток мелких «ябед» в своём жилище. Раньше это заставляло постоянно менять место обитания, - так делает большинство пиратов галеона, - но теперь я просто обшариваю все поверхности и, как клопов, уничтожаю их одного за другим.

Провожу ладонью по столу. Пусто. Странно, стол - их привычная среда обитания. Интересно, а здесь? Шарю в кровати, вытряхиваю подушку и одеяло, заглядываю под простыню, но нигде ничего похожего на стандартных роботов-доносчиков. Озадаченно замираю, и тут в голове, словно бы включается лампочка, ярко освещая воспоминание о недавних поисках. Перед приходом Алёши я точно так же обшаривал комнату в поисках хэндпада, мальчишка выбил меня из равновесия, и я даже не задумался над тем, что в процессе обыска не наткнулся ни на одного шпиона. Чувствую, как холодеют ладони. Что-то здесь нечисто.

Аккуратно кладу компьютер на стол, закрываю глаза и, водрузив сверху все десять пальцев, аккуратно обследую корпус. Мои отпечатки кое-где перекрыты отпечатками Алексея, но этого следовало ожидать. Так, дальше. А это что? В самом углу мой отпечаток стёрт почти полностью, только гладкая поверхность. Не может быть! На кнопках такая же картина: пластик чистый, как если бы к нему никто не прикасался. Допустить чтобы ребёнок нечаянно или специально вытер кнопки и один уголок корпуса – невозможно. Но даже если бы я и предположил, что он решил «почистить» хэндпад, то, скорее всего, мальчик использовал бы что попало, например, простыню или полотенце. Тогда, непременно, остались бы ворсинки, а тут, будто ластиком стёрли. Озадаченно чешу макушку...

Ластиком стёрли...

Ну конечно! Резина! Только она могла дать такой эффект. Значит, Алёша действительно не врал. У меня были гости и это они брали хэндпад, причём, явно не обошлось без резиновых или латексных перчаток, а это может означать только одно – им известно о моих способностях!

Судорожно бью по передатчику за ухом. Молчание. Капитан, ну ответьте же, чёрт бы вас побрал! Нет сигнала. Я луплю так, что кожа, под которой спрятано переговорное устройство, натягивается и неприятно саднит.

- Капитан! – ору в пустоту.

Шипение.

- Капитан, у меня срочное донесение!

Никакой реакции.

Это уже ни на что не похоже. Чтобы капитан проигнорировал такое сообщение, требуется что-то из ряда вон. Нужно срочно бежать к нему. Возможно, «гости», которые забрались ко мне и его не обошли стороной. Я срываюсь с места, но уже у двери, вспоминаю, что флэшка всё ещё хранит доказательства неповиновения, а это, в моём положении, никак не добавит мне очков перед капитаном.

Лихорадочно вставляю устройство в хэндпад и жму кнопку включения. Листаю документы. Необходимо вспомнить какие именно папки приказал доставить капитан. Наконец, разобравшись с ворохом информации, оставляю только две нужных, а всё остальное отмечаю для скачивания на жёсткий диск. Пока летят файлы, я в нетерпении сжимаю и разжимаю кулаки. Чёрт, ну как всегда! Сколько можно? Взгляд цепляется за странные названия и неизвестные фамилии: Дюма, Шекспир, Чехов, Достоевский, Есенин....

Следующая папка. А тут уже не текстовые файлы, а звуковые и тоже фамилии: Чайковский, Моцарт, Бетховен...

Никогда не слышал. Дальше, больше: информация графическая, видео, фото и всё кому-то принадлежит. Что это за люди такие? Наугад открываю одну из скачанных папок и запускаю первый попавшийся пронумерованный файл. Девственная тишина резко сменяется звуками. Я цепенею. Господи, что же это? Звуки нарастают. Музыка то льётся тихим ледяным ручейком, то вдруг обращается бесноватым водопадом. Кажется, она проникает в каждую пору и, впиваясь прямоком в душу, рвёт на части. Я не могу пошевелиться, по телу проходит странная, неконтролируемая дрожь. Нечто похожее играл мой дед, но его старенькое пианино не идёт ни в какое сравнение с мощным хором десятков пронзительных голосов. Наверное, это музыкальные инструменты. Я вижу, как

© Анна Безкровная

начинают дрожать мои руки, а музыка нещадно терзает, причиняя боль и вместе с тем необыкновенное наслаждение.

Постепенно мелодия стихает, и я начинаю было приходить в себя, но тут хэндпад взрывается высоким, сильным голосом. Я не понимаю ни слова из того, о чём поёт эта женщина, но это и не нужно, потому что вот же она, мечта моего детства – сладкоголосая сирена. Мне вдруг становится совершенно ясно, отчего испытанные в боях моряки немедля бросались в воду, лишь только слышав их пение. Закрываю глаза и откидываюсь на спинку стула. Пой, bestия! Я готов отдать тебе жизнь.

Голос умолкает. В комнате наступает тишина. Я сижу ещё несколько минут, собираясь с мыслями, протягиваю руку и ласково глажу корпус хэндпада. Капитан был прав – это самый драгоценный клад из всех, что мы когда-либо находили в архивах и глупые названия не меняют его сути. Ещё раз пролистываю страницы. Странно, что поступил приказ это уничтожить, но этому наверняка найдётся объяснение. А что если...

Возвращаюсь к информации на флэшке и запускаю один из трёх звуковых файлов. Хэндпад взрывается звуком такой силы, что я чуть не падаю с кресла. Голова тут же наполняется гулом, будто по ней, как по колоколу, бьют сотни молотков. Тупая, незамысловатая мелодия и душераздирающие вопли человека, у которого, похоже, никак не выходит перекричать грохот. Но даже это могло бы сгодиться, если бы не слова: «Не иметь обязательств – вот лучшая из свобод. Можно трахаться сколько угодно. У каждого своё тело, пусть каждый с ним разбирается сам». Даже если бы я не слышал пять минут назад совершенно иной музыки, и то я удивился бы. Неужели капитан хотел, чтобы мы вложили мини-диски с таким дерьмом в пачки с печеньем, которое едят дети? Нет, не верю, здесь какая-то ошибка.

Копирую все документы на внешний носитель и, засунув его в карман рядом с флэшкой, выскакиваю из комнаты. Лариса всё так же сидит у барной стойки, но уже с большой чашкой в руках.

- Ляля, - я подхожу к ней. – Мне снова нужно уйти.

- Я так и знала, - она грустно вздыхает. – Если ты заперся в комнате, значит, ты снова исчезнешь среди ночи – так всегда бывает.

- Не грусти, - целую её в висок. – Я вернусь очень скоро, обещаю.

- Так тоже бывает всегда, - она ставит чашку и поворачивается, заглядывая мне в глаза. – Каждый раз обещаешь, но я уже привыкла, что ты редко держишь слово.

- Ляля, не начинай.

Она качает головой.

- Нет, я не виню тебя, просто очень боюсь, что когда-нибудь ты не вернёшься, и я больше не смогу сказать, как сильно тебя люблю.

- Ляля... - я прижимаю её к себе, она совсем тихонько всхлипывает. – Я вернусь.

- Знаешь, - она отстраняется и переводит взгляд на содержимое своей чашки. – Я бы всё отдала за эту уверенность.

На раздумья уходит всего пару секунд, и чувство к этой женщине уже берёт верх над здравым смыслом. Я протягиваю ей носитель.

- Что это? – она удивлённо смотрит то на меня, то на серую коробочку.

- Это и есть твоя уверенность. Спрячь её хорошенько и можешь не сомневаться, я приду.

Я вижу, что она всё ещё не понимает, но всё-таки кивает и, взяв носитель, растворяется в полумраке зала. Воспользовавшись моментом, выбегаю из гостиницы и прыгаю в ближайший люк. Капитан так и не вышел на связь – это плохо, очень плохо.

Часть третья

В темноте ничего не видно, но я помню расположение предметов в квартире, поэтому пробираюсь беззвучно. Вот и кабинет – излюбленное место капитана. Когда бы я ни пришёл, он всегда здесь и, похоже, в другие комнаты заглядывает редко. Тихонько открываю. Скрип. Ну, мать твою за ногу! Бесконечно твердите о конспирации, а петли смазать так и не удосужились. Замираю, прислушиваюсь – ни звука. Облегчённо вздыхаю и вхожу. Кресло повернуто к стене, но тусклый свет электрического камина позволяет разглядеть руку, безвольно висящую на подлокотнике. Твою мать! Одним прыжком оказываюсь у кресла и с ужасом гляжу в бессмысленные глаза капитана. Нет, только не это! Хватаю его за руку. Какого чёрта? Кожа горячая и пульс лупит, как сумасшедший.

- Что за шутки, капитан? – отступаю на пару шагов.

Свет вспыхивает, будто по команде.

- Это ты нам йасказываешь? – за спиной вырастает боцман.

- Мне кажется, что шутишь здесь именно ты, Октавий, - снова это каменное выражение лица и лишь подрагивающие скулы выдают гнев и раздражение. – Скажи, а если бы эта картина оказалась реальностью, ты бы хоть на миг задумался, что именно твой неразумный поступок отправил псу под хвост всё, что мы создавали десятки лет?

- Поступок? - я делаю ещё шаг назад, но боцман толкает меня обратно к креслу.

- Он ещё смеет вйать! – плюёт слова мне в затылок. – Ты думал, я не догадаюсь, тваёнышь?

Капитан делает знак боцману. Я слышу, как тот яростно пыхтит, но, тем не менее, перестаёт сыпать оскорблениями.

- Ты понимаешь, что поставил под угрозу всех нас? Весь галеон и его тысячную команду? А если бы Ассистенты нашли у тебя целую кипу запрещённых файлов, как думаешь, они продолжали бы использовать старые методы охоты на нас?

- Откуда вам известно, что Ассистенты побывали у меня?

На этот раз капитан не до конца справляется с эмоциями, и гримаса удивления заметно искажает его лицо.

- У тебя были Ассистенты? Ты их видел?

- Нет, но точно знаю, что кто-то из них проник ко мне в комнату.

Мне кажется, или капитан вздыхает с облегчением? Нет, это лишь моё воображение, он снова абсолютно невозмутим.

- Где файлы, которые ты забрал из хранилища?

- Здесь, - я протягиваю флешку.

Он пару минут колдует над своим хендпадом, потом хмурится и сердито глядит на меня.

- Октавий, ты испытываешь моё терпение! Где остальные файлы? Я знаю, ты взял их.

- Я уничтожил всё, капитан! Я привык исполнять приказы!

Сверлю его взглядом с той же силой, что и он меня, а в голове крутится: зачем соврал? Его холодные глаза невозможно жгут, как будто хотят проделать во мне дыру и заглянуть в самую душу. Но я держусь: нельзя дать слабину, по крайней мере, пока боцман здесь. И вот ведь гад, настучал-таки. Тебе не заполнить моего унижения, ублюдок!

- Что ж, хорошо, - капитан бросает быстрый взгляд на боцмана и возвращает мне флешку. – До понедельника можешь быть свободен.

Нет, при боцмане точно не стану ничего говорить. Возможно, потом, когда он уйдёт, а может быть сегодня вообще не подходящий для откровений день. Хотя это к лучшему, я смогу хорошенько покопаться в добытых архивах.

Разворачиваюсь, чтобы уйти и упираюсь в мерзавца-боцмана. Он нависает надо мной, багровый, плюющийся, больше всего похожий на огромный раздавленный гнойник. Презрительно ухмыляюсь.

- Вы что-то хотите сказать?

- Я тебе потом кое-что скажу! – шипит он.

- Не забывайтесь! – бросаю ледяным тоном и вздёргиваю подбородок.

Да что с ним такое? Вроде никогда особо не конфликтовали, и на тебе - лютые враги меньше чем за день. Но как бы то ни было, этот бой выиграл я.

Выхожу на улицу и прячусь в тени соседнего подъезда. Теперь нужно ждать. Голова раскалывается от усталости и напряжения. Впервые за десять лет я позволил себе послушаться приказа, выказать неуважение, солгать, - и всё в один день. Прислоняюсь затылком к бетонной стене. Проклятое чувство вины гложет и не даёт покоя. Капитан вытащил меня из лап нищеты, дал цель, спас от изматывающей травли, а я так просто, походя, обманул его доверие. Что за отвратительное ощущение, когда вдруг понимаешь, что ты как был трусом, так трусом и остался. Отложить разговор до понедельника? Да я с ума сойду! Вжимаюсь в стену. Отсюда хорошо виден соседний выход, и я не пропущу момента, когда боцман, наконец, отправится восвояси. Дай бог, чтобы это действительно того стоило.

Похолодало. Я кутаюсь в пальто. Датчики на теле начинают попискивать – это включилась система поддержания стабильной температуры. Моя кожа не способна защитить, она предназначена для

одной единственной работы. Я уже привык к высоким звукам, что периодически раздаются в районе предплечья. Там зашита электроника. Сотни микросхем поддерживают, защищают, выводят, синтезируют. Если бы не они я бы и не узнал, сколько работы выполняет обтягивающая кости оболочка.

Мысли прерывает скользнувшая в подъезд тёмная фигура. Ассистент! Что ему здесь надо? И почему один? Они никогда не ходят поодиночке, только группой. Выжидая пару минут и бросаюсь за ним. Не представляю, чем смогу помочь, если вдруг мои опасения оправдаются, но всё же трое против одного лучше, чем двое.

Я не ошибся – дверь хлопает на третьем, но как-то уж слишком буднично для подобного визита. Это означает лишь одно - они готовились и заманивают крысу в мышеловку. Взбегаю по лестнице, моё присутствие лишним не будет. Код замка изменён, поэтому вожусь на несколько секунд дольше обычного, успевая прошептать несколько излюбленных ругательств. Пробираюсь к кабинету. Дверь закрыта плотно, вдобавок люди разговаривают приглушённо, поэтому приходится мыслить быстро и примитивно. Бегу на кухню, хватаю первый попавшийся стакан и, метнувшись обратно, прижимаю к стене – благо перегородка тонкая. Теперь я могу различить почти каждое слово.

- Зачем вы позвали меня, господин Кортес? – голос незнакомый, заискивающий и такой сладкий, что я на миг чувствую себя мухой, увязнувшей в банке засахаренного мёда.

Кто кого позвал? Плотнее прижимаюсь ухом к стеклянной поверхности. Бред какой-то!

- Вам придётся вернуться в «Опору» и ещё раз всё проверить.

Голос капитана. Чёрт меня дери! «Опора» - гостиница, где я живу. Что это значит?

- Мы докладывали вам, господин, - медовый голос становится приторным. – Ваш парень чист.

- Ещё раз повторяю... - капитан отделяет каждое слово, но его бесцеремонно перебивают.

- Да что ты с ним цацкаешься, Тиберий! Шавки вроде него существуют, чтобы выполнять работу без промедления и вопросов! – я могу поклясться собственной жизнью, что говорит боцман, но дикция, высокомерный тон, а больше всего фамильярность обращения к капитану совершенно сбивают с толку.

Я слышу звук шагов и тихий писк Ассистента.

- Ты понял, холуй? Делай, что велено! – боцман не орёт как обычно, а говорит жёстко и весьма убедительно даже для меня, что делает его голос похожим на тот, каким отдаёт распоряжение адмирал.

Снова звук шагов.

- Как пожелаете, господин, - лопочет Ассистент. – Дополнительные указания будут?

- Если всё-таки найдёте, - я только слышу, но перед глазами отчётливо всплывает боцманский хищный оскал. – Разворшите гнездо и уничтожьте трутня.

- Но, господин Кесарь... - неуверенно выдаёт капитан.

Я застываю. То, что говорит таким знакомым голосом этот человек, не укладывается ни в какие известные мне рамки. Кто ты, капитан Тиберий Кортес? А ты боцман - Кесарь? Палач и дознаватель, лучший из лучших, человек под маской, что отлично скрывает лицо, но, увы, не способна утаить звериной натуры. Быть того не может...

Моё, сжавшееся от ужаса, сознание, словно кусок мороженой рыбы разрубает отточенный голос палача:

- Ты хочешь мне возразить, Тиберий?

- Нет, господин, но мы столько в него вложили, - капитан мямлит, будто портовая шлюха, пойманная на воровстве.

Грохот.

- Чего тебе на самом деле жалко, Тиберий? Денег или твоего неблагодарного щенка?!

Молчание.

- Вспомни, как ты клялся в верности, как валялся у меня в ногах, а Кортес? Помнишь, что я сказал тебе тогда?

Тишина.

- Я сказал, что отныне они будут моим оружием, а ты – рукой, которая нажимает на курок. Всё, что тебе нужно делать - задавать им направление для выстрела и во время избавляться от тех, кто вышел из строя!

Мне захотелось немедленно выломать запертую дверь, ворваться в комнату и врезать кулаком боцману между глаз. Я даже почувствовал лёгкое жжение на тыльной стороне ладони и ясно представил себе, как вместо меня воздаёт подонку благородный и смелый человек, за которого я ещё сегодня утром готов был отдать жизнь – мой капитан. Но услышал я только покорное:

- Да, господин.

Тупая, жалкая, бесполезная единица! Бессильно сцепляю зубы и сжимаю кулаки. Ты хуже самой низкой твари!

Шаги приближаются в двери. Отскакиваю и начинаю осторожно пробираться к выходу.

- Ах да, - шаги замирают. – И бабу эту с выродком не забудьте. Нам не нужна лишняя шумиха.

Вздрагиваю всем телом, стакан выскользывает из задеревеневших пальцев и, ударившись об пол, с громким звоном разлетается на тысячи мелких осколков. Я тупо смотрю, как стеклянные брызги осыпают мои ботинки, не обращая внимания на стук распахнувшейся двери. Передо мной возникает перекошенная злобой рожа боцмана. Он что-то орёт. Я как в бреду отступаю, пытаюсь стряхнуть с себя внезапное оцепенение. Резкая боль вдруг вгрызается в спину чуть выше лопатки, и я, непроизвольно вскинув руки, барахтаюсь в воздухе, как притопленный кутёнок. Сразу становится тихо, а потом темно.

Зловонная жижа засасывает, причмокивая, словно пухлый ребенок, уплетающий цветной леденец. Чавкающие звуки эхом отдаются в голове, заставляя работать агонизирующий ужасной болью мозг. Подчиняясь приказу, тело бьется в конвульсиях, но липкий грязевой кисель крепко держит добычу, затачивая всё глубже, туда, откуда уже никому не достать. Снова дергаюсь, но скорее для успокоения. Чтобы там, где я, быть может, совсем скоро окажусь, мне не было стыдно за свое бездействие.

- Он здесь! – кричит кто-то, и этот крик подобно мне тонет в студенистой массе городских отходов.

Усталость накрывает тяжелым одеялом, превращая в ничто. Грязь касается подбородка, обволакивает, манит. Почти не чувствую боли. Как хорошо, как спокойно. Закрываю глаза и подчиняюсь. Ляля, Алёша, простите...

Тук-тук, бам. Тук-тук, бам. Жуткий звук, противный. Будто кто стучит затуплённым осколком оргстекла по оголенному нерву. А теперь и стон. Протяжный, заунывный. Да заткнись же ты! Господь Всемогущий! Этот отвратительный стонущий звук издаю я.

- Посмотри на меня, Октавий!

С трудом разлепляю закисшие веки. Склонившийся надо мной человек - очень высокий, он даже пригибается, чтобы не касаться макушкой потолка, но мне знакомо его лицо. Напрягаю память и слабо выдаю:

- Шаротел?

Удивленно вскидывает брови, его нижняя губа чуть отвисает, а щеки надуваются. Если бы не отсутствие шипов, сейчас его было бы не отличить от испуганной рыбы-шара.

- Зачем ты такой огромный, Шаротел? – щурюсь от яркого света, ужасной рези в глазах и странного тумана, который создает впечатление запотевшего окна. – Перестань стучать, это отвратительно.

Шаротел исчезает. Шипение.

- Доктор, мне нужна ваша помощь! - кричит он откуда-то сбоку.

Через пару мгновений надо мной уже нависает неизвестный бородач в очках и темно-коричневом хэбэшном костюме. Он сосредоточено возится около меня, перебирает тонкие и толстые трубки, прокалывает их длинной иглой, подсоединенной к металлической нити – по крайней мере, блики искусственного света, перебегающие по ней снизу-вверх, заставляют меня так думать. Быстрые, умелые движения врача завораживают.

- Шаротел, - зову я тихо. – Что происходит?

- Потерпи, Тав, сейчас будет полегче, - говорит тот таким тоном, будто я маленький мальчик, разревевшийся из-за ушибленной коленки.

- Полегче? – озадаченно переспрашиваю. - Ты о чем?

- Боль скоро уйдет, - поясняет он.

Замираю, прислушиваясь к собственным ощущениям. Никакой боли. Точнее, вообще ничего, даже привычного покалывания в пальцах.

- Похоже, что уже ушла, - сообщаю чересчур увлеченному врачу.

Бородатый доктор роняет очередную трубку, Шаротел снова появляется в поле зрения.

- Ушла? – спрашивают оба моих посетителя одновременно.

- Никакой боли, - подтверждаю. – А должна быть?

- Не то слово, - изумленно выдыхает Шаротел. – Они же тебя распотрошили, вытащили всю электронику, а потом бросили в химические стоки.

- Они? – я силюсь вспомнить, но память как будто в коме – сплошная чернота.

- Кортес и Кесарь...

Имя вгрызается раскаленным прутом, заставляя соображать быстрее, разум вздрагивает, как вспугнутая пичужка, и сбивчиво выдает несколько картинок.

- Шаротел, капитан предал нас! – непроизвольно выкрикиваю я.

- Я знаю, - он наклоняется к доктору, уже успевшему зачем-то усесться на пол. – Дадите нам десять минут?

- Конечно, Антон Павлович, - бородач отпускает пучок разноцветных проводов и поднимается. - Но ни минутой больше. Я буду поблизости.

- Ого! На моей памяти по имени-отчеству обращались только к двум людям, - удивленно говорю я, переключая внимание с врача на Шаротела. - И одним из них был жутко важный политикан.

- А вторым? - тихо спрашивает собеседник.

- Мой дед, - при воспоминании о лучезарной улыбке и мелких морщинках вокруг черных, смеющихся глаз, мне самому хочется улыбнуться, но отчего-то никак не выходит.

- Дмитрий Васильевич Дягилев, - вдруг поизносит Шаротел и сжимает мое плечо.

Я тупо смотрю на его ладонь, хватая воздух ртом, как выброшенная на берег камбала. Мысль о том, что я не чувствую прикосновения меркнет по сравнению с растущим числом вопросов к непонятному человеку, который только что назвал полное имя моего деда.

- Как жаль, - продолжает тот, глядя на мои безуспешные попытки сбросить его руку, - что судьба привела тебя на «Мечь Невежественных» раньше, чем мы поняли кто ты и на что способен.

- Да кто ты сам такой, чтобы жалеть меня? - наконец выкрикиваю я, едва справляясь с эмоциями, отчего голос приобретает визгливые интонации.

- Олег, послушай, ты нужен нам, иначе мы не стали бы рисковать безоговорочным доверием Кортеса и Кесаря.

Из моей груди рвется отчаянный стон. Не может быть, чтобы я настолько запутался в собственных иллюзиях! Шаротел — рядовой матрос, невзрачный, неповоротливый, неуверенный. Если бы меня

попросили описать его, то словесный портрет состоял бы из одних только «не». Я даже его имени никогда не спрашивал, просто не считал нужным утруждаться. А, оказывается, ему известны не только подробности моей жизни, но и мое собственное имя, причём настоящее, данное при рождении, то, которое я хранил в строжайшей тайне и не говорил даже Ляле.

- Кто ты? – рычу сипло, беспомощно, словно раненый пес, на котором уже щелкнул карабин поводка.

- Я — капитан фрегата «Освобождение».

- А-а-а, - пытаюсь насмешливо скривить губы, но опять ничего не выходит, - тоже играешь в кораблики?

Он делается пунцовым, но ни одним словом не выдает гнева.

- Подобное истребляется подобным, - произносит нравоучительно.

- Вы тоже несете свет? - тон моего голоса становится язвительнее.

- Если представится возможность.

- Ха!

- Повторяю, ты нам нужен.

- Решили украсть основное оружие конкурента? Умно.

Я вижу, что моему собеседнику стоит огромного труда продолжать разговор спокойно, но мне это только на руку. Я хочу заставить его говорить. Пусть разозлится, выйдет из себя, тогда и посмотрим, что он такое.

- Вижу, сегодня разговора не получится, - прищурившись говорит Шаротел.

- И правильно, - жёстко парирую. - Зачем вообще капитану опускаться до разговора с предметом неодушевленным? Проще пристегнуть его к поясу цепью и время от времени пускать в ход.

- Если тебе повстречался не тот человек, не стоит думать об остальных также, - его щёки заметно подрагивают.

- Достаточно! - если бы я мог, я бы отвернулся к стене. - Мне не нужны твои изъезженные нравоучения. Оставь меня в покое, Антон Павлович. Считаю, что я списался «на сушу».

- Я, конечно, не ожидал, что ты станешь благодарить, - в голосе собеседника теперь отчетливо слышна ярость, - но надеялся, что заслужил уважение и возможность быть выслушанным.

- За что мне уважать тебя, Шаротел? - выплевываю слова. - Не за то ли, что выловил меня из вонючей лужи и поместил в стерильную коробку, лишив возможности двигаться? Как по мне, так ты еще хуже Кортеса, он забрал свое, а ты позарился на чужое!

Ну, давай же, давай, переступи эту черту, покажи мне истинное лицо!

- Не я лишил тебя этой возможности, заносчивый ублюдок! - орет Шаротел бешено вращая глазами. - А ты сам. Ты уверовал в собственную исключительность и вознесся слишком высоко, чтобы видеть

дальше своего носа. Если бы не Дмитрий Васильевич, я бы никогда не обменял твою паршивую жизнь на годы нашей работы отнюдь не безуспешной работы в логове врага.

- Прекрати осквернять имя моего деда своим поганым языком! Что ты вообще о нем знаешь? – теперь и я по-настоящему выхожу из себя.

- Дмитрий Васильевич основал «Освобождение», он был первым, кто не сдался, не забился трусливо в самый темный угол норы, а открыто заявил о намерении противостоять всем тем, кто уничтожает литературу, музыку, искусство, подменяя их паршивым, низкопробным дерьмом. За это он поплатился жизнью.

Открываю рот, чтобы возразить, но вдруг понимаю, что мне в сущности нечего сказать: если кто и мог ради идеи не пожалеть жизни, то только дедушка.

- Дед умер своей смертью, - только и могу промычать я.

- Да? - Шаротел криво улыбается. - Ты тоже позавчера чуть не умер «своей смертью». Между прочим, это первый раз, когда Кесарь провалил роль переправляющего на тот свет, до сих пор он справлялся с ней отменно.

Я чувствую, как в горле нарастает удушающий ком. Позавчера? Но вместо этого вопроса задаю другой:

- Как случилось, что капитан продался Кесарю?

- Это долгая история, - Антон качает головой. - Кесарь - мастер по части давления на болевые точки, одну такую он и обнаружил у Кортеса около восьми лет назад. Нужно сказать, что к ужасу последнего и к несчастью всех тех, кто, подобно тебе, верил в праведность цели, она была чуть ли не единственной, но именно такой, которая даже при легком нажатии откликается невыносимой болью.

- Хочешь сказать, у тебя нет таких точек?

- Есть, - заметно мрачнеет, но взгляда не отводит.

- Так как же я могу быть уверен, что ты завтра же не отдашь ему и меня и остальных, поверивших в твои сказки?

- Такой уверенностью не обладаю даже я сам, именно поэтому предлагаю тебе заменить меня на капитанском мостике, тем более что он принадлежит тебе по праву.

Вот это действительно неожиданно, я даже пару раз моргаю, прогоняя наваждение.

- Я не ослышался, Антон? Ты предлагаешь мне свою власть? Просто так, не требуя ничего взамен?

- Ради памяти твоего деда и ради всех нас.

- Оставь это мерзкий пафос, - презрительно хмыкаю. - Я не верю ни единому слову. Властью не делятся, а уж тем более не дарят, только если не задумали получить намного больше.

- Ты прав, Олег, я верю, что передав «Освобождение» тебе, я очень скоро получу больше, а именно «Мечь Невежественных», а может и что-то ещё, чем правительство вызывает у народа иллюзию неповиновения. И тогда мы покажем людям, что их любимое печенье с «сюрпризом» всего лишь очередной инструмент превращения личности в стадное животное.

Я скривился. Снова пафос. Глупый фанатик, даже если нас и наберется пару тысяч, нам все равно не выстоять перед миллионной армией раболепствующих крыс, мечтающих о том, как бы загрызть неверных. А учитывая, что на сцене Кесарь, то и до этого вряд ли дойдет.

- Только не говори, что такая честь мне оказана только потому, что я ношу фамилию вашего основателя.

- Вовсе нет, - он почему-то резко тушует и отводит взгляд. – Просто я знаю, что ты сможешь справиться с этим лучше, чем кто-либо другой.

- Сдается, ты что-то не договариваешь, мой целеустремленный друг, - недоверчиво цокаю языком. - В любом случае, мой ответ – нет! Так что лучше заткнись и помоги мне сесть.

Он вскидывается и бежит выполнять мою невежливую просьбу так, будто я уже капитан, отдающий приказы. Я же, осмысливая сказанное, беспомощно наблюдаю, как краснеет и отдувается Антон, пытаюсь придать моему телу более-менее вертикальное положение, но внезапная возня за дверью отвлекает от тяжелых раздумий.

- Что вы себе позволяете, молодой человек, здесь вам не гостиница!

- Это срочно, лучше не стойте у меня на пути, доктор.

Вспотевший от натуги Антон резко бросает свое «увлекательное» занятие и, оставив меня в неестественной позе, стремглав бросается к двери. Та распахивается, чуть не задев его по носу. На пороге возникает тот самый подросток, что помогал мне в архиве.

- Я все-таки опередил их, капитан! - орет он дурным голосом, потрясая чем-то черным, ловит мой взгляд, бледнеет и пытается неуклюже спрятать предмет за спину.

- Откуда у тебя это? - отрывисто спрашиваю мальчишку и ужас захлестывает меня десятиметровой волной.

Он пятится назад, издавая высокие нечленораздельные звуки.

- Балда! - выдыхает Антон и, обернувшись ко мне болезненно морщится.

- Ч-что с ними? – заикаясь, спрашиваю я.

Антон хватает полу своего пиджака и остервенело мнёт, а я замороженно смотрю как сжимаются и разжимаются пухлые пальцы, превращая искусственную шерсть в жатую тряпку.

- Отвечай, сволочь! - начинаю с низкого шипения и заканчиваю высоким звенящим воплем.

- Несколько дней назад в «Опоре» случился пожар, - тараторит Антон, впериw взгляд в пол. - Погибли несколько постояльцев и...

Он замолкает.

- Отдайте! - угрожающе рычу, бросая яростный взгляд на поскуливающего в углу мальчишку.

Тот затравлено глядит на своего капитана. Пухлый кивает. Пацан испугано косясь на меня, подбирается к кровати, и аккуратно кладет рядом с моей неподвижной рукой два обугленных

предмета, после чего со всех ног несется прочь из палаты, спотыкаясь обо все, что хоть немного выпирает над полом. Собрав волю в кулак, подзываю Антона ближе.

- Хочу прикоснуться, - тихо говорю я.

Тот осторожно кладет мою ладонь поверх оплавленного носителя. Я не чувствую его кожей, но помню, какие ощущения должны возникать от прикосновения к прорезиненному корпусу. Душа осыпается мелкими прозрачными осколками, будто стакан, что я уронил в доме Кортеса, а сердце плавится как видно возжелав стать похожим на лежащий рядом кусок металла.

- Я думаю, информация не пострадала, - слабо выдаёт Антон.

- Ещё, - безразлично говорю я.

Он дрожащими пальцами забирает носитель. Рука падает на толстую книгу, лишь чуть-чуть обгоревшую в нескольких местах.

- Где она была? - спрашиваю чужим, глухим голосом.

Молчание.

- Верни его, - настойчиво требую, глядя в сторону двери.

Антон выскакивает вон, но вскоре возвращается, волоча за собой трясущегося мальчишку.

- Где ты взял её? - спрашиваю громко и жестко.

Паренек вздрагивает, будто от удара.

- Мальчик накрыл своим телом, - еле слышно выдаёт он и до крови кусает губы.

Закрываю глаза. Из темноты выныривает заплаканное личико Алёши. Папа!

Тук-тук-бам, тук-тук-бам. Лихорадочно шарю взглядом по тошнотворно ярким стенам палаты. Небольшой умывальник у одной из них зловеще поблескивает начищенным краном. Тук-тук-бам.

- Это вода, Шаротел! - истерично ору я. - Это стучит проклятая вода. Закрой ее, слышишь? Немедленно закрой!

Мальчишка шарахается в сторону, Антон кидается к крану и остервенело лупит по рычагу. Тук-тук-бам, тук-тук...

Я сцепляю зубы и слышу, как будто со стороны, страшный, нечеловеческий вой животного, с которого живьем содрали кожу.

-Ы-а-а-а-а!

Эпилог

Я пират. Флибустьер. Я — мощное и точное оружие. От меня не укроется ни одна тайна, будь она спрятана даже на самом дне информационного океана и не уйдет ни один человек, как бы умело он не путал следы или менял внешность. Я научился ненавидеть по-настоящему, без злости и ненужных

эмоций, холодно и расчетливо, как приготовившаяся к броску кобра. Но я также научился прощать слабость и сострадать всем тем, кто всё ещё влачит жалкое существование единицы. Им нужна помощь, и они получают её. Лишь двух вещей я не прощаю никогда: трусости и предательства.

Очень скоро наступит день и о «Мести Невежественных» больше никто не вспомнит, как и о кучке лощеных паразитов, что оградили себя высоким забором и, глядя на агонию нашего мира сквозь узкие щели, думают, что сломили нас. Ни скользкому слабаку Кортесу, ни кровавому мяснику Кесарю не выстоять против меня. Их стимул гораздо слабее: один трясется за свою жизнь, другой грезит властью, а мною движет только жгучая месть им обоим и всем тем, кто посягнул на право людей знать, верить, чувствовать и любить. Я - идеальное оружие: у меня нет слабых мест и болевых точек, ни внутри, ни снаружи. Я всегда на несколько шагов впереди врага. А он, даже проходя в паре сантиметров, не способен думать ни о чем, кроме того, как бы побыстрее убраться с моей дороги.

Вот и сегодня я готов к этой встрече, а он — нет. Впрочем, как всегда. Это приятно греет.

Аккуратно стаскиваю с ладоней мягкие, фланелевые перчатки. Растопырив пальцы, выставляю руку. Воздух колеблется по-особенному: слабые потоки сменяются сильными и образуют ломаную между мной и тем, кто приближается. Я чувствую. Разум послушно чертит на чёрной доске моего восприятия картинку, совершенно идентичную той, что уловили пальцы. А ты всё хорошеешь, враг мой, Кесарь. Видать, деньжат-то прибавилось, но маску пока не снял, неужели все еще боишься? Правильно, бойся. Даже здесь, у дверей собственного логова, окруженный десятком безмозглых бойцовских псов, натасканных на слепую защиту хозяина, ты не уйдешь от меня.

Сгибаясь в три погибели, вскидываю вторую руку и бросаюсь наперерез.

- Подайте, светлейший господин!

Направление потока меняется. Кесарь явно в ужасе. Нет ничего приятнее, чем ощущать испуг того, кто не умеет бояться.

- Уберите это от меня, - он очень старается сдерживать голос, но воздух против него и заодно со мной, поэтому визгливые нотки я чувствую отменно.

Меня даже не пытаются оттащить.

- Сделайте же что-нибудь, - он переходит на яростный вопль, пока я тяну его за полы белоснежного пальто.

- Помилуйте, господин, разве можно сделать с ним больше? - заискивающе мямлит кто-то.

- Подайте! Подайте! - мои руки энергично елозят по его одежде.

- Да на! Отвяжись только, - он кидает передо мной на пыльную ступеньку несколько мелких монет.

Бросаюсь на колени и шарю по грязным плитам, непрерывно выкрикивая хвалебные слова доброму господину. Он спешит удалиться, на ходу распекая псов за плохую службу, но я знаю, что у тех потеют подмышки и холодеет затылок от одной только мысли, что ко мне нужно будет прикоснуться. Еще бы! Я — воплощение самых страшных кошмаров: слепой, глухой, трясущийся урод, с обожженным лицом и жуткими шрамами по всему телу — я специально напяливаю такие лохмотья, чтобы дать им возможность рассмотреть меня получше. Ведь не зря я когда-то заставил негодующего доктора Орловского восстановить мне чувствительность пальцев за счет небольшого участка уцелевшей после

химических ожогов кожи. Не зря запретил трогать всё остальное и использовать даже самую простую электронику. И уж точно ненапрасно вынудил его провести необходимую и завершающую операцию, когда однажды ночью собственноручно лишил себя зрения и слуха, потому, что они мешали довести до совершенства единственное нужное чувство — осязание.

Еле заметное покалывание и заметно ослабевшие воздушные толчки подсказывают, что лестница уже совсем опустела. Снимаю с почерневшей ноги сандалию и полуоторванной подошвой давлю нескольких «зазевавшихся» роботов-шпионов. Губы сами собой расползаются в хищной усмешке.

- Антон, крыса у нас в руках. С этой минуты я знаю о нем такое, чего он, возможно, и сам не предполагает, включая скрытые болезни и особо уязвимые места.

Чтобы понять, что говорит Антон, мне нужно прикоснуться к передатчику кончиками пальцев, но я не стану этого делать, потому что знаю — будет лишь восхищенное:

- Жду распоряжений, капитан.